

Рисунок О. ВЕРЕЙСКОГО.

Ленинградский

—С праздником!

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

№ 17

20 июня
(1487)

1957

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Михаил ДУДИН

Ты очень молод, Ленинград!
«Из тьмы лесов, из топи блат»
Ты рос, Москвы достойный брат,
Моя любовь сердечная.
В руках истории земной
Вся жизнь твоя передо мной
Двухсполовинойвечная.

Слов нет, великий Петр велик,
Характер строг, и грозен лик,
Но дорог мне и тот мужик,
Который первым жителям
Бревно тесал и сруб рубил,
В сырую землю сваи вбил,
Который был строителем.

Но мне дороже мой народ,
Который нес мечту вперед,
Из года в год, из рода в род.
Широкую и быструю,
В седой гранит одел Неву
И не во сне, а наяву
Тебя, как чудо, выстроил.

Но мне дороже новый век,
Когда рабочий человек
Взял в руки времени разбег,
Пошел дорогой Ленина,

Товарищ Ленинград

Когда рабочие бойцы
Вошли в палаты и дворцы,
Как сердцем было велено.

Года прошли, как корабли.
Ты стал примером для земли,
Чтоб люди всей земли могли
Идти твоей дорогою.
В огне войны, в кольце блокад
Ты, гордый город Ленинград,
Дружил с победой строгою.

За сорок прожитых годов
Я много видел городов
И в сотый раз сказать готов:
В твоей остался власти я,
Что ты, товарищ Ленинград,
Достоин, пусть меня винят,
Особого пристращения.

Молочным светом светит ночь.
В такую ночь и я не прочь
Пройти садами города,
Где, откровенна и ясна,

Иллюстрации В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

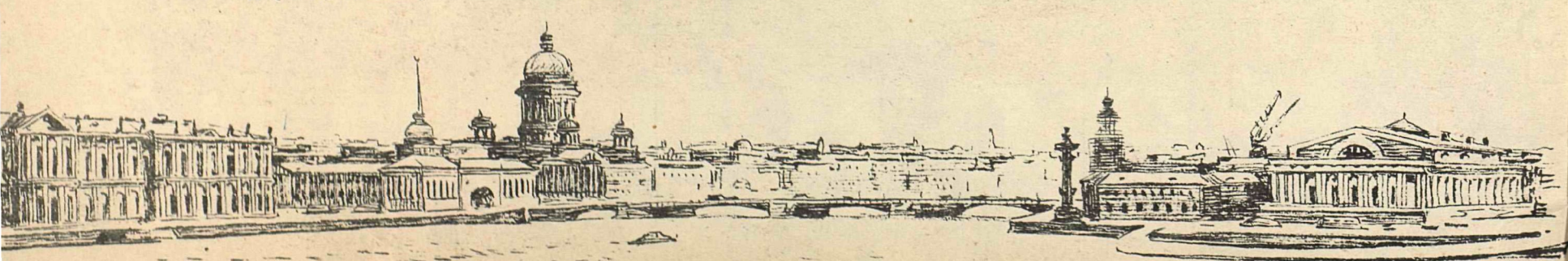
Цветет и властвует весна
Светло, свежо и молодо.
Дыши, люби и песню пой!
Мечта с тобой, любовь с тобой!
На взморье пенится прибой,
Шуршит горохом гравия.

И соловьиною зарю
Я всем влюбленным подарю:
Дарить сегодня вправе я!

Весна пришла на острова.
Вода и неба синева.
Волну в залив неси, Нева,
Красавица рабочая.
Клуби буксиром и веслом,
Гордись упрямым ремеслом,
В своем труде охочая.

Красуйся, город Ленинград,
Родной Москвы достойный брат,
Тебе сегодня каждый рад,
Страны любовь сердечная.
Как полдень в солнце, как Нева,
Твоя история жива
Двухсполовинойвечная!

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ...

Кому?

— Тут двух мнений быть не может,— заявили старейшины Крокодила,— слово за председателем Ленсовета Николаем Ивановичем Смирновым. Командируйте немедленно в Ленинград корреспондентов!

В Ленсовете представителей Крокодила встретили со свойственным ленинградцам радушием и любезно сообщили:

— Николай Иванович охотно вас примет... В Москве, в «Москве». Он вчера уехал на сессию Верховного Совета РСФСР.

И вот мы в гостинице «Москва» беседуем с председателем Ленсовета Н. И. Смирновым — бывшим кузнецом, бывшим мастером, бывшим начальником цеха, бывшим директором заводов «Ленинская кузница», «Красное Сормово» и знаменитого Путиловского, ныне Кировского, завода.

Как видите, мэр одного из крупнейших городов мира Николай Иванович Смирнов может похвастать весьма знатным происхождением. Правда, он не миллионер и не собирается тягаться с мэрами, владеющими солидными капиталами. Зато Н. И. Смирнов ворочает миллиардами: годовой бюджет Ленинграда превышает три миллиарда рублей.

Итак, предоставим слово Николаю Ивановичу Смирнову:

— Вы спрашиваете, с чем приходит Ленинград к своему двухсотлетию? Очень сожалею, что наш разговор происходит не в Ленингра-

де, не в исполкоме. Я бы продемонстрировал вам диаграммы роста ленинградской продукции и даже некоторые ее образцы. Впрочем, какой ручкой вы записываете нашу беседу? Ленинградского завода «Союз»? И телефонный аппарат, которым вы повседневно пользуетесь, тоже ленинградского завода «Красная заря»? Да и телевизор, что стоит перед вами, ленинградского завода имени Козицкого! Жаль, что я лишен возможности продемонстрировать более объемные экспонаты нашей продукции: турбины, дизели, блюминги, аппаратуру для атомных станций и, наконец, атомный ледокол. Образцы всей ленинградской продукции не разместить даже на территории нескольких таких гостиниц, как «Москва».

Впрочем, чего греха таить, и у нас есть предприятия, не дорожащие честью ленинградской марки. Но не будем омрачать юбилейного торжества и поговорим о них в следующих номерах.

— За последний год Ленинград посетили тысячи иностранных делегаций и туристов. Расскажите, Николай Иванович, какое впечатление произвел на них Ленинград.

— Почти все иностранные гости неизменно рассыпаются в комплиментах: «Ах, какой кра-

савец город! Ах, какая Нева! Какая замечательная архитектура! А какой балет! Вот только погода у вас того... Уж очень капризная». На эти претензии я отвечаю: «Да, действительно, погода — пока еще загушенный участок нашего городского хозяйства. Мы тут еще отстаем...»

А иные туристы разочарованно спрашивают: «Почему на Невском не видать медведей?». Оказывается, некоторые буржуазные писаки до сих пор пичкают своих читателей баснями о медведях, разгуливающих среди бела дня по улицам Ленинграда. Кстати, если верить этим борзописцам, улицы у нас непроходимы и завалены девятиметровым слоем снега.

К чему я это вспомнил? Ленинград давно перестал быть просто окном в Европу. В наши дни Ленинград — широко распахнутые двери в мир. И мы говорим: «Милости просим! Пусть все флаги в гости будут к нам!». Чем больше будет искренних, непредубежденных гостей, тем меньше станет анекдотических медведей.

— Кстати, о гостях... Не можете ли вы, Николай Иванович, рассказать, кто персонально будет приглашен на юбилейные торжества?

— Вы задали довольно каверзный вопрос. Мы над ним до

сих пор ломаем голову. Не хватая, надо признать, что в нашей стране нет человека, который в той или иной степени не был бы связан с Ленинградом. Или это в прошлом участник героической обороны города, или он испытывает сейчас на одной из ГЭС мощную ленинградскую турбину, или трудится на целинных полях совхоза, созданного посланцами Ленинграда, или же принципиально ходит в ботинках «Скорохода» и в галошах «Красного треугольника».

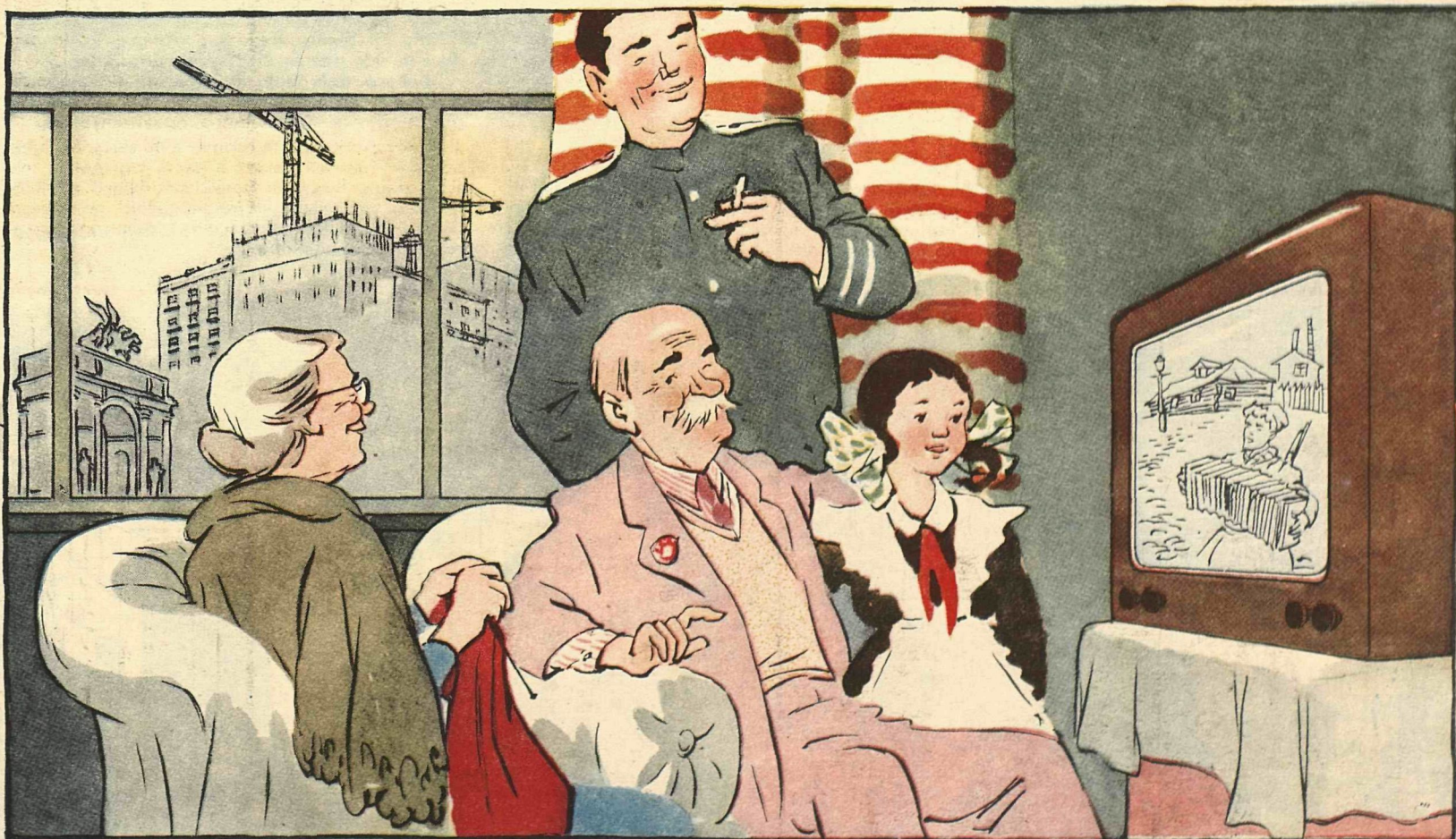
Мы ничуть не удивимся, если десятки тысяч жителей улиц, проспектов, шоссе и районов, носящих имя Ленинграда, спросят нас: «А почему нас забыли и не приглашают на юбилей?». Короче говоря, на юбилейные торжества по праву надо пригласить чуть ли не все население Советского Союза.

Мы никого не забыли. Мы охотно пригласили бы всех, всех, если бы нашлось достаточно вместительное помещение. Нам не хочется никого огорчать. Поэтому, если кто-либо не получит персонального приглашения, пусть не сочтет это за невниманье. Мы заранее благодарим всех советских граждан, всех зарубежных друзей, кто в эти дни будет с нами отмечать юбилей у радиоприемников, у репродукторов, телевизоров, перед экранами кино...

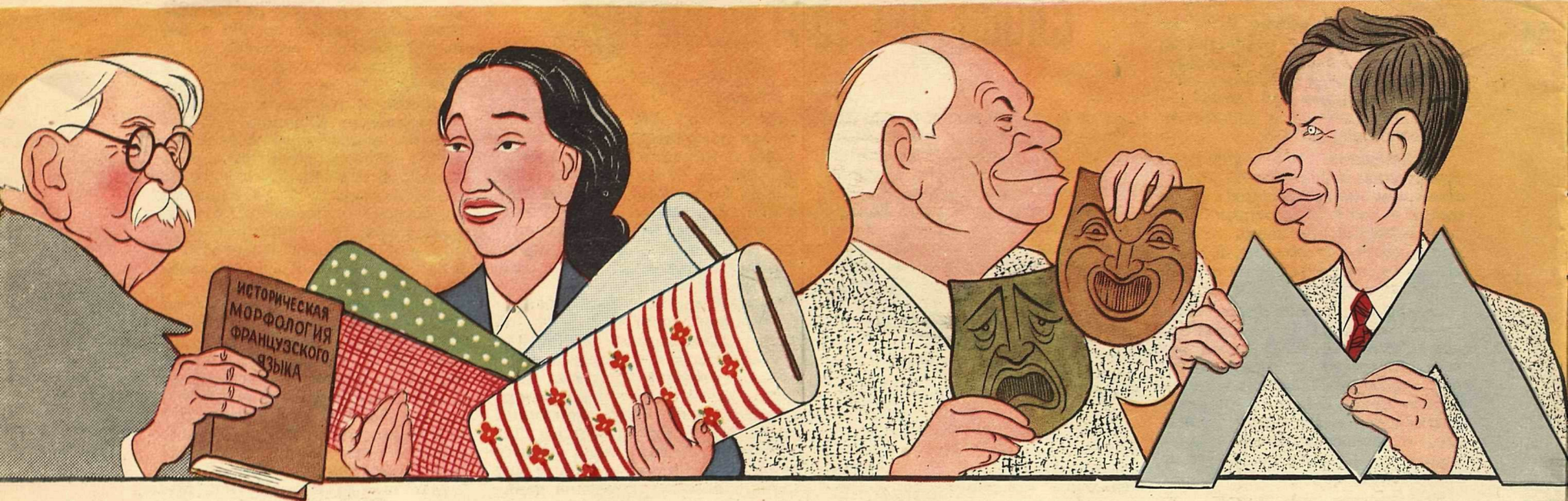
Приезжайте к нам в гости! Но не все сразу...

До скорой встречи, дорогие друзья!

Рисунок Б. СЕМЕНОВА.

За далекою Нарвской заставой...

В. Ф. Шишмарев,
лауреат Ленинской премии,
академик.

М. П. Материкова,
депутат Верховного Совета СССР,
ткачиха.

К. В. Скоробогатов,
народный артист СССР.

И. М. Пастухов,
проходчик ленинградского
Метростроя.

Ленинградцы рассказывают

Сергей ВЯЗЕМСКИЙ,
преподаватель текстильного института

В РЕСТОРАНЕ «ВЕНА»

На углу улиц Дзержинского и Гоголя в до-революционные годы помещался ресторан «Вена», который был своеобразным клубом литературно-художественного Петербурга. Постоянными его посетителями были писатели А. И. Куприн, А. Н. Толстой, И. И. Ясинский, ныне здравствующий Сергей Городецкий. Сюда нередко заходили художники Константин Маковский, И. Бродский, С. Чепцов, сотрудники журнала «Сатирикон» во главе с Аркадием Аверченко.

В «Вене» не смолкали веселые шутки. Кто-то уронил под стол часы, поднял их и стал мрачно рассматривать. Один из присутствовавших поэтов дал ему тут же рифмованный совет:

Теперь излишни ох и ах,
Но и дурак ведь каждый ведаёт:
Стоять возможно на часах,
Но наступать на них не следует.

В один из вечеров Александр Куприн съез-вил по адресу «Сатирикона»:

Ночь темна... Часы так длительны,
Не до сна... Какой уж сон,
Если даже усыпительный
Не помог «Сатирикон»!

И ни одна царская ищейка не пронюхала, что как раз этот ресторан был избран Влади-миром Ильичем Лениным для свиданий с партийными работниками — большевиками. Именно здесь в июле 1906 года состоялась встреча Ильича с петербургскими партияцами в связи со Свеаборгским восстанием.

Александр БЕЛЫШЕВ,
комиссар крейсера «Аврора» в октябре 1917 года

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Наш крейсер «Аврора» в ночь на 25 октяб-ря 1917 года стоял у Франко-русского судо-строительного завода. Получив указания Воен-но-революционного комитета, я как комиссар

крейсера и председатель матросского судово-го комитета прошел к командиру крейсера старшему лейтенанту Эриксону с предложени-ем немедленно вести корабль к Николаевско-му мосту.

— Это невозможно! — решительно отказал-ся он. — Фарватер не позволяет. Мы неми-нуемо сядем на мель!

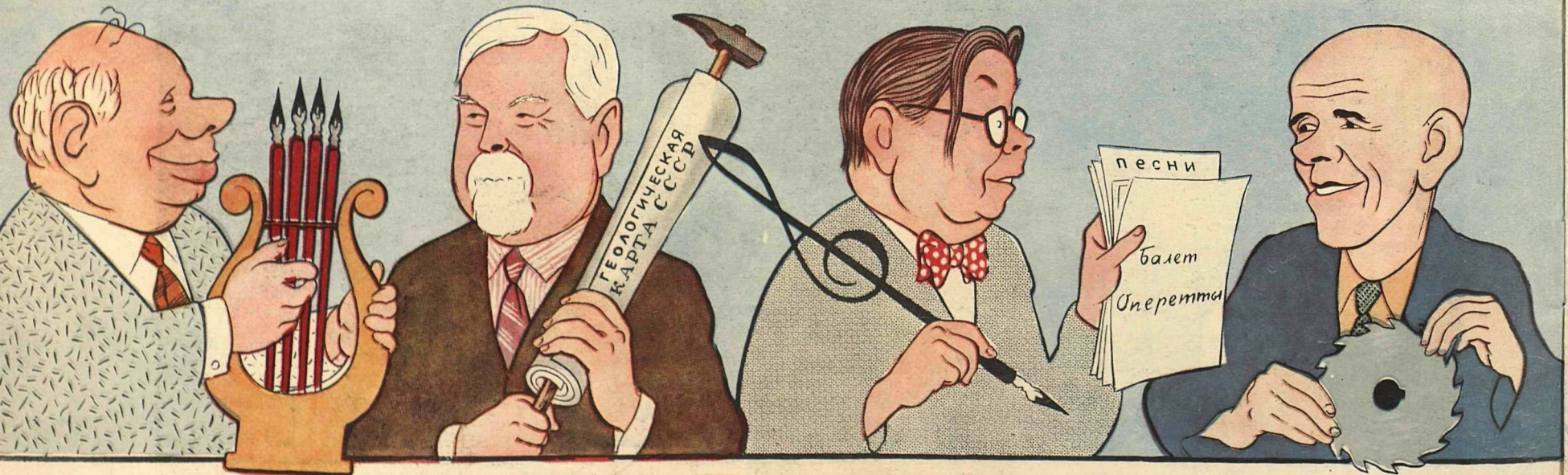
Что делать? Решили сами промерить глуби-ну Невы. Смельчак Сергей Захаров — старши-на рулевых и сигнальщиков — сел в шлюпку и отправился в опасный путь под самым носом у юнкеров, охранявших мост.

Фарватер оказался вполне проходимым. Ссылки командира «Авроры» были явной отговоркой.

— Сами поведем крейсер! — сказали мы ему.

Когда машины уже заработали, командир заявил, что решил сам руководить операцией. Крейсер благополучно прибыл к месту на-значения, не сев на мель. На мель сели го-ре-защитники Временного правительства...

И вот раздался исторический выстрел «Ав-роры» — первый салют в честь рождения но-вого мира. Выстрел большевистского крейсера был холостым, но он обладал огромным весом. Он оказался увесистее снарядов само-го крупного калибра...

А. А. Прокофьев,
поэт.

Д. В. Наливкин,
лауреат Ленинской премии,
геолог.

В. П. Соловьев-Седой,
композитор.

В. Я. Карасев,
фрезеровщик.

«ВОРОНЦОВСКО-НИКОЛАЕВСКИЙ СОВНАРКОМ»

Шел незабываемый 1917 год. У нас в Сальских степях, на Северном Кавказе, в селе Воронцово-Николаевском, тоже был избран новый исполнительный орган. Мы долго думали, как его назвать, и наконец, по примеру Петрограда, окрестили его «Советом Народных Комиссаров».

За советом и помощью мы решили обратиться к Владимиру Ильичу Ленину, командировав к нему в Питер двух человек. Одним из делегатов был я.

В назначенный день мы пришли в Смольный, в кабинет Ленина. Владимир Ильич поздоровался с нами и приветливо спросил:

— Кто вас направил сюда?

— Совет Народных Комиссаров.

Ленин удивленно переспросил:

— Какой Совет Народных Комиссаров?

Смутившись, я неуверенно пробормотал:

— Да вот... наш... Воронцовско-Николаевский...

Улыбаясь, Владимир Ильич поинтересовался:

— А сколько же у вас населения?

— Тысячи четыре будет...

— А каких вы комиссаров избрали?

— Председателя Совнаркома и комиссаров: военного, труда, земледелия, почты и телеграфа, железной дороги, финансов и внутренних дел.

— А комиссара иностранных дел избрали?

— Нет, он нам пока не понадобился...

Владимир Ильич от души рассмеялся.

Когда мы рассказали ему, чем занимается каждый комиссар, Ленин заметил, что по существу мы все сделали правильно. Только вот название надо слегка изменить.

— Вместо Совнаркома назовите свой исполнительный орган просто «Ревком»,— сказал он, крепко пожимая нам руки на прощание.

П. Ф. ГЛАЗУНОВ,
начальник кессонного участка
строительства № 11 «Ленметростроя»

ЗАВТРАК ПОД ДНОМ НЕВЫ

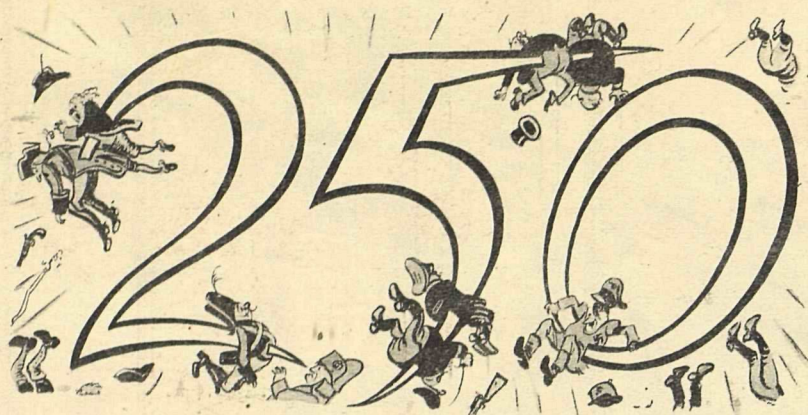
В Ленинграде славится своими пирожками кафе «Нева». А можно ли получить пирожки не в «Неве», а под Невой? Оказывается, можно.

Для этого надо лишь облачиться в брезентовую куртку и надеть каску метростроевца. Спускная клеть быстро доставит вас даже не на дно, а под дно реки. Новая трасса, которая соединит Московский вокзал с Финляндским, прокладывается под Невой.

Левый тоннель пройден, правый тоже закончен. Над головами работающих не только Невы державное течение и береговой ее гранит, но и несколько слоев грунта, в том числе относящегося к кембрийскому периоду, которому насчитывается примерно 500 миллионов лет. Но пусть это вас не пугает. Все прочно укреплено и местами даже заморожено нашими замечательными проходчиками. В настоящее же время у нас действует только одна холодильная установка — в подземном буфете. Здесь-то и можно неплохо позавтракать пирожками, бутербродами с ветчиной и вареными сосисками.

БАЛТИЕЦ НА СТЕПНОМ КОРАБЛЕ.

Вечный город

— Быть Петербургу пусту!

Этот иступленный вопль взметнулся над невскими берегами 250 лет тому назад.

Вопили кликуши, юродивые, бесноватые.

Они были командированы к невиским берегам московскими боярами, что сиднем сидели на Яузе, на Неглинке, на Патриарших и Чистых прудах.

Молодой царь Петр, покинувший насиженные места, был для тяжелых на подъем бояр правонарушителем, веротступником, антихристом.

Бояре звали Петра остепениться, образумиться, вернуться в первопрестольный град, к трону предков.

При Петре Русь стала Россией.

«Россия,— писал поэт Пушкин,— вошла в Европу, как спущенный корабль,— при стуке топора и при громе пушек».

К воплю московских бояр и их челядинцев присоединил свой голос шведский король.

Когда в устье Невы возник новый русский город, король сильно рассердился на русского царя, дерзнувшего покинуть Патриаршие пруды ради Балтийского моря. Король стал кричать дурным голосом на шведском языке:

— Быть Петербургу пусту!

Что вышло из этого крика, известно каждому школьнику, читавшему краткий курс истории и пушкинскую поэму «Полтава».

В царствование Екатерины Второй за поражение Карла XII попытка была отомстить России шведский король Густав III.

Густав III грозил огнем и мечом и Петербургу и Москве. У него был план молниеносной войны с Россией. Он говорил своей свите:

— Обедать буду в Петербурге! Ужинать буду в Москве!

Ни в Петербург, ни в Москву любитель покушать не попал. Густаву III повезло меньше, чем Карлу XII. О Карле писал гениальный русский поэт Пушкин, и писал не без уважения. Густав попал в комедию «Горе-богатырь», сочиненную императрицей Екатериной. Комедия эта на сцене не ставилась, школьниками не изучалась, и имя Густава для наших школьников никак не звучит, о чем они, кстати, не жалеют.

В начале XIX столетия войну Петербургу

объявил уже не захудалый шведский палатин, а французский император Наполеон Бонапарт. От примитивного фольклора хвастливых завоевателей не удержался даже сей умный государственный деятель и искуснейший полководец. О завтраках, обедах, ужинах в русских городах Наполеон распространялся до тех пор, пока старый фельдмаршал Кутузов не заставил непрошенных гостей довольствоваться кониной на путях отступления и бегства «великой армии» из Москвы.

После изгнания Наполеона на остров святой Елены коронованные особы чувствовали себя в северной столице, как дома. Петербург им казался надежнейшей крепостью самодержавия. Петербург не Париж! Там вольтерьянцы, республиканцы, революционеры, а у нас, слава богу, Шишковы, Булгарины, Аракчеевы, Победоносцевы...

В императорском дворце росло и укоренялось чувство самодовольства. Уже на Петра Первого кое-кто из коронованных особ стал поспрашивать свысока. Подумаешь, тоже предок! Якшался с матросами, плотничал, скакал впереди своих воинов под Полтавой... Несолонно вел себя. Не по сану. Не по чину. Да и чин-то какой — артиллерийский офицер! То ли дело Александр Третий! Генерал! А титул! Самодержец всероссийский, царь польский, князь финляндский, помазанник божий, хозяин земли русской, и прочая, и прочая. А борода! Такой роскошной бороды нет в Европе ни у одного венценосца. Борода соответствует масштабам и размерам романовской империи...

Степенно и неторопливо готовились праздновать 300-летие дома Романовых.

Но грядущий юбилей был омрачен. И не только в Петербурге. Первопрестольная Москва и даже Кострома, откуда пошли Романовы на русский престол, вместо патриотических шествий заявили о себе революционными демонстрациями. Красные флаги появились на улицах больших и малых городов. Хижины объявили войну дворцам. Голодные выступили против сытых.

Сановному Петербургу мнилось и мечталось, что война задумит русскую революцию, что он принесет победы славному дому Романовых, что кровью рабочих и крестьян будет куплено долголетие этого дома.

Революция разразилась на 304-м году существования династии Романовых. У верховного главнокомандующего, каким считал себя Николай Второй, не оказалось ни одного батальона для защиты престола. Венценосец сдался на милость Временного правительства.

Сие правительство, конечно, оказало бы свою милость последнему монарху, если бы оно не оказалось... временным.

На протяжении короткого срока временными правителями были князь Львов, одержимый навязчивой идеей завоевания Дарданелл профессор Миллюков, заводчик Гучков, революционер на час адвокат Керенский, сахарный магнат Терещенко. И когда революционная буря сметала одного за другим этих временщиков, над Невой поднялся старый, классический, петровских времен вопль:

— Быть Петрограду пусту!

И снова металась на площадях и улицах города гадалки, пророки, прорицатели и предсказатели, сулившие революционному Петрограду гибель, мор, голод, холод, все казни египетские...

Председатель Государственной думы екатеринославский помещик Михаил Родзянко на публичном совещании громко заявил, что он, Родзянко, будет очень рад, если Петроград будет взят немцами.

Фабрикант Рябушинский требовал задуть рабочий Питер костлявой рукой голода.

Генерал Лавр Корнилов, весьма плохо воевавший с немцами и побывавший в немецком плену, шел во главе «дикой дивизии» войной на Петроград.

Но Петроград не испугался ни Родзянко, ни Рябушинского, ни Корнилова.

Его рабочие, солдаты, матросы, его коммунисты защитили великий город на Неве от потока и разграбления.

Вот уже 40 лет Советы правят в великом городе на Неве.

За 40 лет не раз враг покушался на невискую твердыню. К ней подступал с белогвардейскими полчищами генерал Юденич. Они легли на подступах к городу под артиллерийским огнем с моря и с суши, с кронштадтских фортов, с питерских застав.

— Ну, кто еще пойдет на Петроград?

Мы помним этот сильный, победный клич защитников города в гражданской войне.

Гитлер, пошедший на Ленинград в 1941 году, не стер города с лица земли, как хвастливо обещал в своих приказах. Гитлера давно нет в живых, а город на Неве живет и здравствует на радость нашему народу и всему цивилизованному миру.

В великом городе священен и дорог каждый камень — свидетель его старой истории и истории новой. Мы любим его поэзию. Наше сердце сильнее бьется при звуке пафосного пушкинского слова, посвященного городу. Мы помним чеканные слова советского поэта Николая Тихонова о военном времени, о защитниках города, о Кирове, о том, как

В железных ночах Ленинграда

По городу Киров идет...

Двести пятьдесят лет городу на Неве. Историческая дата. Славная дата.

Он много и славно жил, этот город — колыбель революции, город-труженик, город-герой. Славно его прошлое, славно его настоящее, великое будущее предстоит вечному городу!

Ленинградцы рассказывают

И. Е. БУРЛАКОВ,

Герой Социалистического Труда, бригадир кузнечного цеха Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Не так давно в составе советской профсоюзной делегации я побывал в Китайской Народной Республике. Эта страна всегда была близкой для нас, а теперь стала еще ближе. Расстояние от Москвы до Пекина самолет «ТУ-104» проделал за восемь часов.

Мы совершили поездку по семи городам, нам показали новые предприятия, гидростанции, сельскохозяйственные кооперативы. Обо всем виденном можно сказать китайским словом «хао», что означает «хорошо».

На металлургическом комбинате в Аньшане, когда узнали, что я с берегов Невы, с Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, сказали:

— Ну, тогда вам у нас должно особенно понравиться! Ведь у нас на комбинате работают турбины и воздухоудовки, изготовленные на вашем заводе.

Это в самом деле было очень радостно услышать.

В кармане у меня лежала пачка папирос «Беломорканал». Я вынул ее и стал угощать.

— О, Ленинград! — с теплой улыбкой говорили китайские товарищи, закуривая.

— Хао! — пошутил я. — Хорошо!

— Хэнь хао! — поправили меня. — Очень хорошо!

У поэта сказано: «И дым отечества нам сладок и приятен». Дымок папирос, которые мы курили в Аньшане, был приятен не только мне, советскому рабочему, но и китайским друзьям: ведь на этих папиросах стояла марка Ленинграда.

Борис ЦАЦКО

Ленинградцы Улыбаются

Из блокадных тетрадей журналиста

«Городом без улыбки» называли фашисты осажденный Ленинград. А в городе этом даже в самые трудные дни звучал смех, бодрила веселая шутка, рождалось острое словцо...

* Уже год топтались гитлеровцы у стен Ленинграда. Начинаясь вторая блокадная осень. Знакомый мастер при встрече сказал мне таинственно:

— А Гитлер-то... слышал? Шлет сюда эшелон за эшелон, без пере-дышки. И знаешь, что? Венские стулья.

Рассказчик сделал паузу и пояснил:

— Очень уж долго войско фашистское стоит на одном месте. Утомилось...

* Появились новые крылатые слова:

«Научились поезда водить на цыпочках», — рассказывал паровозный машинист. Это означало: без гудков и световых сигналов.

Единственный трамвайный вагон, курсировавший между Нарвскими воротами и Кировским заводом, называли любовно: «Жди меня, и я вернусь...»

* Сильно страдали защитники Ленинграда от недостатка курева. При-способили толченую древесную кору, шалфей и многое другое. Курили, обливаясь горячими слезами, давая меткие прозвища неожиданным «табакам».

В городе и на фронте были известны десятки таких названий. Вот некоторые из них: «Память Летнего сада», «Матрац моей бабушки», «Лесная пыль», «Листья падают с клена», «Стенолаз», «Трассирующий», «Сказки энского леса», «Шалфей в аду», «Смерть немецким оккупантам!».

* Старая женщина сказала: «В сорок первом году падали на ходу, в сорок втором году жевали лебеду, а в сорок третьем году поедим лепешек на меду».

* Когда особенно докучали артиллерийские обстрелы и тревоги, в театре Музкомедии позволяли себе «ускорять» ход оперетты: некоторые второстепенные арии в такой вечер не исполнялись. Ленинградцы называли эти спектакли «Короче говоря».

* Из подслушанных разговоров.

— Ничего, ничего, жив будет! Теперь даже тигр из нашего зоосада стал вегетарианцем.

— Язвы моей как не бывало. Со страхом думаю об окончании голодной диеты.

* Солдат хозяйственного взвода Григорий Брусов жалуется:

— Загнали меня в тыл. Вокруг хомуты одни, про фашистов только в женских письмах читаешь. И как мне снова на фронт выбраться — ума не приложу.

(А всего-то от хозвзвода до немецких траншей не было и полутора километров.)

* Из глубокого тыла возвратился в Ленинград коллектив Большого драматического театра и сразу же попал под артиллерийский обстрел. Встречающие старались вести себя так, будто ничего особенного не происходит. Приезжие откровенно нервничали. Впрочем, кто-то из них тут же пошутил:

— Видимо, у нас сейчас большой драматический вид.

* Записываю разговор двух школьников:

— Я теперь, Витька, каждый день закаляюсь.

— А как?

— Хожу только по опасной стороне.

(В Ленинграде на фасадах домов были надписи: «Граждане! Во время артобстрела эта сторона улицы наиболее опасна».)

* В газете напечатано: «Гитлеровцы отброшены от города, больше на улицы Ленинграда не упадет ни один артиллерийский снаряд». В тот же день присутствую на совещании. Кто-то из участников опоздал. Председательствующий язвит:

— Что же это вы? По причине артобстрела?

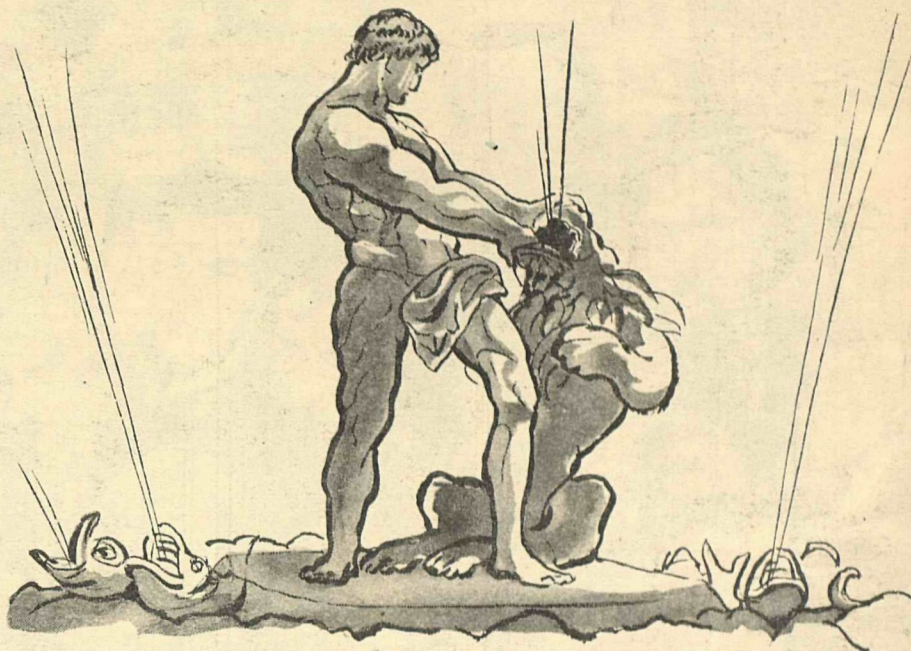
Опоздавший смущен. Все смеются: еще вчера эта причина считалась весьма уважительной...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

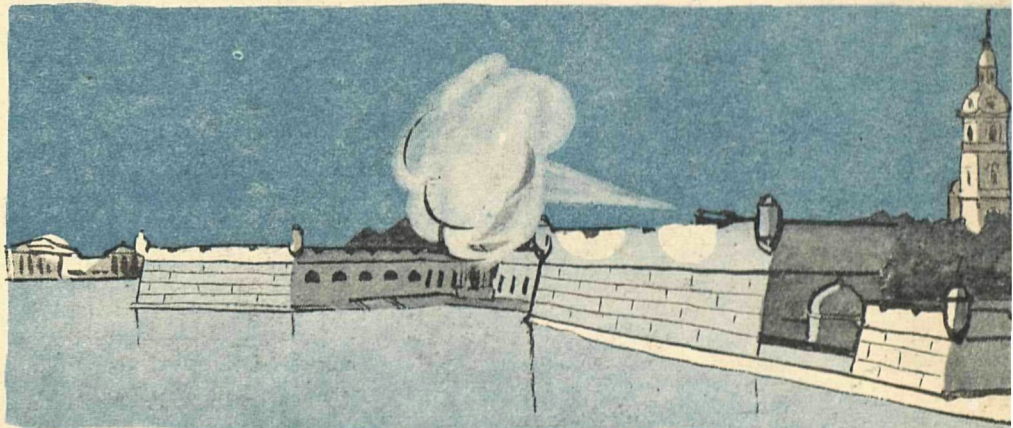
Иллюстрации к рассказу о буднях Ленинграда заокеанского путешественника мистера Вруннинга.

Деспотизм и произвол царят в этом городе. Сотни жителей и даже дети томятся за решеткой.

Зверства достигли предела.

Несмотря на мирные заверения, красные ежедневно палят из пушек.

Каждый вечер то там, то тут разыгрываются трагедии.

Пышная и на первый взгляд странная группа экскурсантов собралась перед зданием станции Балтийская Ленинградского метро.

Пудренные косы, бакенбарды, седые и черные кудри до плеч... и костюмы! Какие странные, в самом деле, костюмы надеты на некоторых из них!

Однако все собравшиеся без различия возраста и положения с одинаковым доброжелательным вниманием слушают бойкую юную ленинградку, которая на правах экскурсовода рассказывает им о второй, советской молодости великого города, празднующего свое 250-летие.

Вглядитесь в лица экскурсантов.

— Ба, знакомые все лица! — воскликнете вы словами грибоевского героя и тут же увидите в толпе экскурсантов самого автора «Горя от ума». Не мог старый петербуржец Александр Сергеевич Грибоедов не

примкнуть к экскурсии по советскому Ленинграду, организованной «Крокудилом» для тех, кто своим трудом и творчеством в былые годы создавал всенародную славу родному городу! Почти рядом с Александром Сергеевичем Грибоедовым стоит Александр Сергеевич Пушкин. На лице поэта играет приятная улыбка, в тонких пальцах зажат двойной онегинский лорнет. Хотите знать, почему так довольно улыбается Пушкин? Да потому, что девушка-экскурсовод, говоря о красотах Ленинградского метро, цитирует строки из седьмой главы «Евгения Онегина»:

«Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...»

— Помилуй бог, угадал! — восклицает еще один Александр, но не Сергеевич, а Васильевич — прославленный российский генералиссимус Александр Васильевич Суворов.

Даже хмурое лицо певца глухих и мрачных петербургских углов Федора Михайловича Достоевского прояснилось, когда девушка-экскурсовод заговорила о планах нового жилищного строительства в Ленинграде. А знаменитые зодчие Баженов, Растрелли, Кваренги, Росси, Воронихин так и впились в рассказчицу глазами.

А вот по лицу Репина видно, что замечательный художник хочет сам задать вопрос экскурсоводу. Он хочет спросить ее, достойно ли отражена новая краса Ленинграда в полотнах современных художников. Мусоргский же и Глинка явно желают задать подобный вопрос своим коллегам — ленинградским композиторам.

Конечно, и сам царь Петр не усидел на вздыбленном коне и, оставив его под присмотром полураздавленного змия, пожаловал в пешем порядке на экскурсию по своему творению.

Слушая экскурсовода, Михайло Ломоносов восхищенно воскликнул: «Да будет радость повседневно, При Невских обновясь струях».

В экскурсии по Ленинграду приняли участие Н. Гоголь, В. Белинский, Н. Римский-Корсаков, И. Крамской, И. Крылов, Н. Пирогов, К. Тимирязев, Н. Чернышевский, И. Павлов, М. Глинка, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, М. Мусоргский, А. Попов, Д. Менделеев, И. Сеченов, П. Федотов, И. Репин, К. Брюллов, М. Салтыков-Щедрин, А. Радищев, В. Стасов (критик), А. Грибоедов, Н. Добролюбов, Ч. Камерон, В. Баженов, Г. Державин, А. Пушкин, Д. Фонвизин, М. Ломоносов, И. Мартос, Петр I, А. Захаров, В. Растрелли, Э. Фальконе, Д. Кваренги, А. Суворов, М. Кутузов, А. Кокоринов, С. Чевачинский, К. Росси, архитектор В. Стасов, А. Воронихин.

Виссарион САЯНОВ

Солдатские разговоры

(Из Ленинградского дневника)

1941-й

— Не чаяли мы, что так далеко отступить придется.
 — Я тоже так считаю.
 — А почему задумался?
 — Нам-то легче будет в Берлине, ихняя Шпрее против нашей Невы — речушка, а не река.

— И взял Гитлер Ленинград в кулак, и никак тот кулак не разжать.
 — Его отрубить можно.

1942-й

— А чудно, что фашисты в валенках из соломы ходят.
 — Взглянешь на них и сразу подумаешь, что сила солому ломит.

— Я считаю, что самый главный человек на войне — солдат.
 — Никто с тобою не спорит.
 — Нет, ты сам посуди, чего только он на войне не сделает: и убьет, и спасет, и сам без вдоха помрет.
 — Похоронные разговоры рано заводить: надо столько отбить русской земли, что отсюда не видно.

— Долго ли нам в блокаде сидеть?
 — Пока у Гитлера борода не вырастет.
 — На это надеяться трудно: у них парикмахеров много.
 — У покойников волосы быстро растут, а он уже на тот свет заявку сделал.

1943-й

— Как у вас жизнь теперь в Ленинграде?
 — Жизни нет, пока всех фашистов не уничтожим.
 — А мосты уцелели?
 — Мосты все уцелели, а почему тебя это интересует?
 — Сговорился с подружкой после войны на мосту пройтись, на Неву посмотреть.

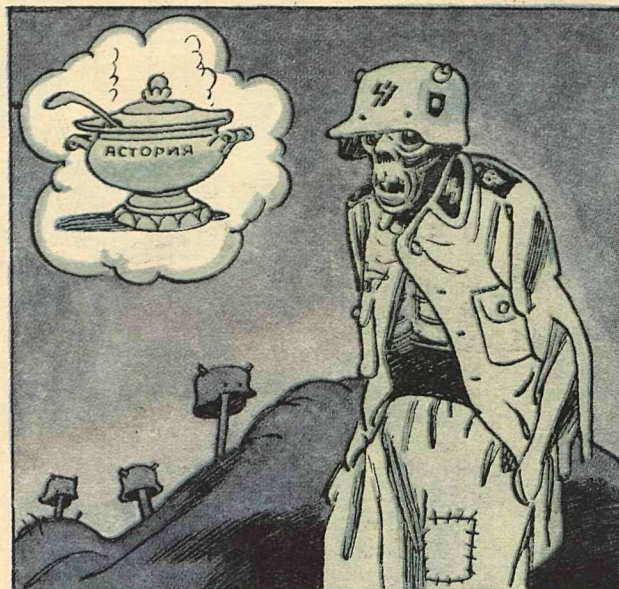
— Что вы все ленинградцами пишетесь? Кто из Калуги, кто из Омска, а все ленинградцы.
 — После войны постановление будет: всех, кто на Ленинградском фронте был, считать ленинградцами.
 — Не слышал я что-то об этом.
 — Пока военная тайна.

1944-й

— Все небо горит...
 — Немудрено: салют.

— Сын у меня сегодня родился, хочу его Салютом назвать.
 — Сложно очень, натошак и не выговоришь.
 — Ничего, зато всю жизнь помнить будет, в какой час родился. Ведь это в его честь такую музыку грохнули...

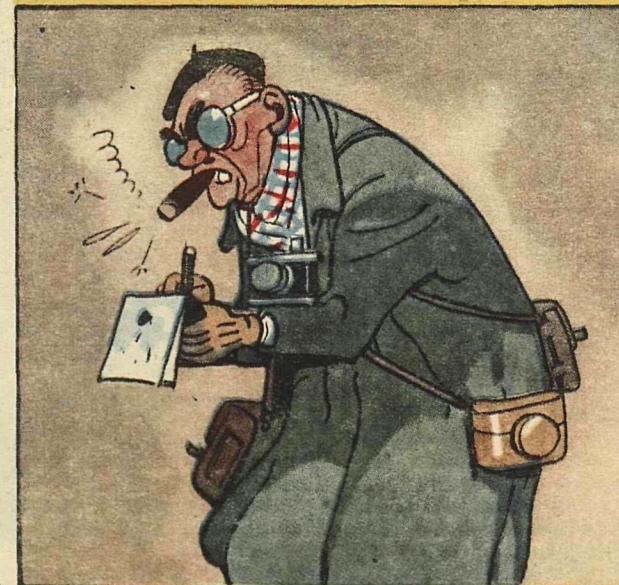
— Теперь прощай, Ленинград, в Берлине еще побывать надо...

— Девятьсот дней ждал обеда в «Астории», да так и не дождался...

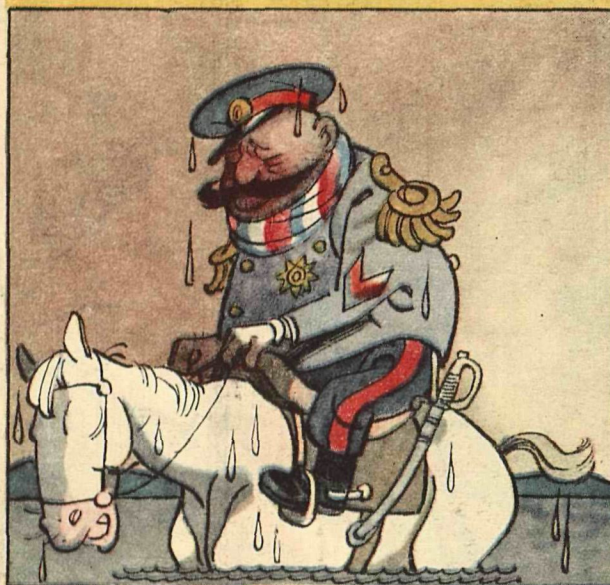
— Безобразие! Весь мундир испортили!

— Писал о падении Петрограда, писал о падении Ленинграда, не сбылось: подвели ленинградцы!

— Что ж это, взяли Зимний и сорок лет не отдают!

— Я, помню, тонул,—так никто руки не подал...

— Так с женщинами не поступают!

Обстоятельства сложились так, что туристу Яну Кобрле, который прогуливался по набережной Невы в Ленинграде, захотелось мороженого. Однако разговорник подсказывал ему лишь такие русские фразы, как: «Я иду на каток», «Там есть санки», «Дед Мороз елку принес», и прочие в том же роде. Все это мало подходило к данному случаю: был теплый, солнечный май.

Короче говоря, не заметив нигде поблизости киоска с мороженым, Ян обратился к первому встречному с вопросом, где можно достать мороженое. При этом он высунул язык, показывая, будто что-то им лижет.

Мужчина заинтересовался, из каких он краев, и, узнав, что из Чехословакии, горячо похлопал его по плечу. Затем взял под руку и привел на рыбацкое судно, качавшееся на волнах Невы.

Ян Кобрле немного удивился, что на таком суденышке может продаваться мороженое, но вскоре был удивлен еще больше. Едва он вступил на палубу судна, как вокруг собрались рыбаки. Видимо, решив, что Ян Кобрле умирает от жажды, гостеприимные хозяева стали тут же угощать его напитками, как прохладительными, так и, прямо скажем, горячительными.

Ян пил за встречу, за дружбу, за все, за что только можно пить. Он обменял на память все, что только возможно обменять, и, будучи в прекрасном расположении духа и, опять-таки прямо скажем, немного навеселе, решил наконец объяснить, почему же, собственно, он попал на судно. Но так как ему казалось, что он говорит по-русски после горячительных напитков еще хуже, чем обычно, он начал изъясняться исключительно по-чешски. Чтобы все его поняли, он, как мог, нарисовал на листке бумаги стаканчик с мороженым, обложенный льдом.

Рыбаки некоторое время вертели голову над его рисунком, а потом капитан воскликнул:

— Хорошо!

Ян Кобрле тоже сказал: «Хорошо!». Но когда капитан заговорил о том, что не позже чем завтра они пойдут на лов рыбы в Финский залив, Ян испуганно сказал: «Не могу!».

Рыбаки недоуменно уставились на Яна: почему он не хочет идти с ними в Финский залив, хотя сам об этом просил? Тот начал рассказывать, что путешествует он в Советском Союзе по туристской путевке общества «Чедок», что у него нет паспорта, денег и так далее. Однако рыбаки решительно заявили, что в Советском Союзе он должен чувствовать себя, как дома, и ни о чем не беспокоиться.

— Минутку! — воскликнул Ян, который вдруг сообразил, что его неправильно поняли. — Я ведь и не думал рисовать судно во льдах!..

— Ах, вот оно что! — воскликнул капитан. — Тогда мы преподнесем вам небольшой подарок. — Он кивнул одному из рыбаков, и через минуту пораженному Яну подали огромную рыбу длиной не меньше метра.

— Вот, пожалуйста, возьмите, — сказал капитан. — Правда, эта маловата, но сейчас у нас на судне нет большей. Да вот что: оставьте нам свой адрес, и мы pošлем вам в Чехословакию такую рыбину, что на месяц хватит!..

Короче говоря, примерно через час наш турист шел по улице, неся в руках огром-

— Помню, как я оканчивала Смольный...

— А я помню, как Смольный покончил со мной.

ную, как полено, рыбу. Он привлекал всеобщее внимание. В парке один студент перестал учить английский язык и, подбежав к иностранцу, заинтересовался, как это ему удалось поймать такую.

Ян Кобрле объяснил, что он ничего не ловил, он просто шел по набережной Невы и хотел купить мороженое.

Студент недоверчиво покачал головой и возвратился обратно на свою скамейку. Но любопытные попадались на каждом шагу.

От всего этого у Яна уже начала кружиться голова. Дойдя до театра имени Пушкина, он сел у подножия памятника Екатерине Великой.

«Оставлю здесь рыбу и убегу», — решил он и сделал пару шагов в сторону, будто разглядывая памятник, а потом внезапно пустился наутек.

— Вы рыбу забыли! — окликнула его какая-то старушка.

Ян Кобрле изобразил на лице улыбку, вежливо поблагодарил старушку, взял рыбу и пошел, сам не зная куда.

«Пойду в Эрмитаж и забуду рыбу в гардеробе», — решил Ян. Но когда он хотел незаметно выскользнуть из музея, его настигла гардеробщица:

— Гражданин, а ваша рыба?!

«Что делать? — мучительно раздумывал Ян. — Может быть, попробовать подарить?»

Навстречу ему шли двое ребят. Подозвав их, он сказал:

— Ребята, вот вам рыба, отнесите ее домой.

Мальчики с большой охотой подставили руки и взяли рыбу. Но пошли они не домой. Они шествовали за ним. Когда Ян ускорил шаги, быстрее шли и мальчики. Когда он замедлял шаги, и ребята шли медленней. Больше того, они весьма гордились своей миссией и, чтобы никто не оставался в неведении, громкогласно сообщали

всем прохожим, что несут рыбу вот этого чехословака, который идет впереди. Как только процессия подошла к перекрестку, милиционер предупредительно остановил движение транспорта. Сопровождаемый двумя мальчиками, Ян торжественно перешел улицу. На тротуаре вокруг них толпились люди, зрелище действительно было оригинальное. Наш турист растерянно и вежливо раскланивался, прохожие радушно приветствовали его. Так турист Ян Кобрле шествовал по улицам Ленинграда, и так вошел он в гостиницу «Европейская».

Тут закончился его тернистый путь. Правда, и здесь начали собираться люди, сбегались рабочие из кухни, но шеф-повар решительно положил конец этой затянувшейся истории. Он забрал рыбу и в тот же вечер приготовил для Яна Кобрле и его друзей десяток отличных блюд.

С этого дня Яна в гостинице называли не иначе, как «наш чехословак с рыбой».

Самыми грустными вовремя расставания были те два мальчика, которые сопровождали Яна Кобрле по улицам Ленинграда. С того памятного дня они несли почетную вахту перед гостиницей, ожидая, не даст ли им «наш чехословак с рыбой» еще какое-нибудь поручение, чтобы им снова завидовали все ленинградские мальчики.

«Наш чехословак с рыбой», когда заходит речь об этом приключении, обычно говорит:

— Я достаточно хорошо объясняюсь по-русски, но эта рыба в Ленинграде убила меня окончательно. По разговорнику я могу сказать о рыбе только одну фразу: «Мама варила рыбу». Но как она ее сварила, — об этом разговорник умалчивает. Если бы не подоспел вовремя шеф-повар, не знаю, чем бы все это закончилось!

Из чехословацкого журнала «Динообраз».
Перевел Ю. Черногоров.

Ежедневно сотни фотографов осаждают памятник Петру Великому.

Изошутна К. РОТОВА.

...От них «повсюду Всадник Медный с тяжелым топотом скакал».

Ник. КРУЖКОВ

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Конечно же, «нет ничего лучше Невского проспекта!» Тысячи раз описанный в стихах и прозе наилучшими авторами, какие только были на свете, он по-прежнему блистает своим величием и с неустойчивой силой влечет к себе и тех, кто впервые приехал в северную столицу, и тех, кто видел ее много раз. Да и коренные, «потомственные, почетные» ленинградцы, которым, казалось бы, не в диковину красоты Невского, готовы всегда, в любое время года и в любую погоду, любоваться «перспективой», этой «всеобщей коммуникацией» города, как говорил Гоголь. И как было встарь, так и теперь: «Здесь житель Петербургской, или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках, или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно».

В Москве нет такой улицы, которая объединяла бы весь город. И Арбат — центр, и улица Горького — центр, и Садовое кольцо — центр, и Можайское шоссе — центр. В Москве можно целыми годами не встречаться со знакомым, ежели он живет в другом районе. В Ленинграде это невозможно, ибо там есть Невский. Станьте на углу Садовой или Литейного, и вы, постояв некоторое время, непременно встретите своего приятеля, пусть он приехал в Ленинград на каких-нибудь два дня. «Э, да ты, братец, здесь! — воскликнете вы, увидев друга, с которым в Москве вы не встречались месяцами. — Когда же ты приехал?» «Да вот только сегодня». «И сразу на Невский?» «А куда же?»

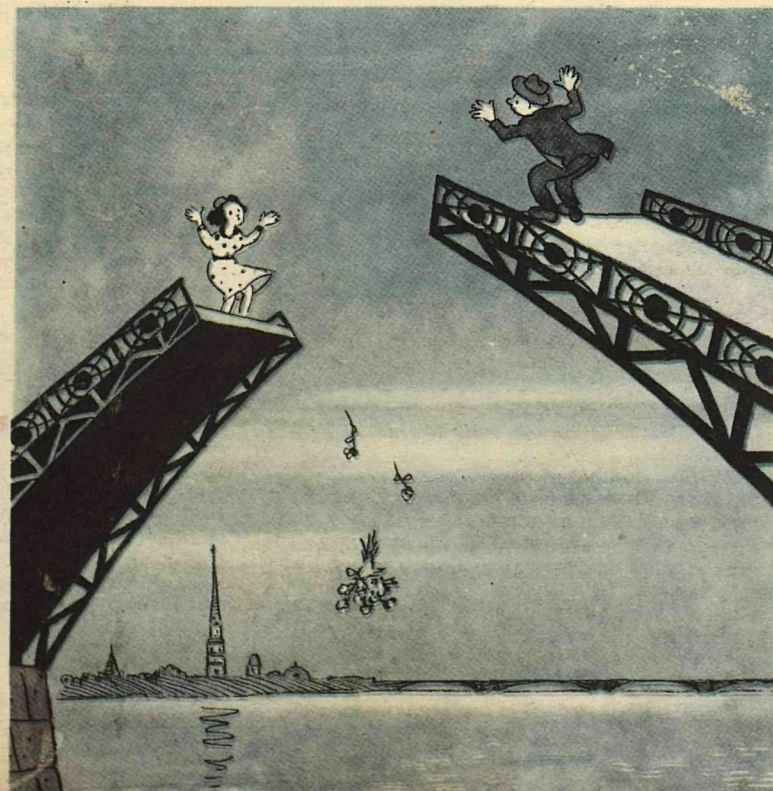
Не изменилась красота Невского, хоть в корне изменилась жизнь и совсем другие люди стали хозяевами жизни. Нет, не встретим мы теперь салоппиц в изодранных платьях, «совершающих свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих». Не делают набег на Невский «губернаторы всех наций со своими питомцами в батистовых воротничках». Вы не встретите здесь «бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии». В три часа дня Невский не покрывается весь «чиновниками в зеленых вицмундирах» — титулярными и надворными. По Невскому не мчатся кареты с гербами и с лакеями на запятках, в которых важно сидят советники, тайные и статские, генералы с плюмажами и в киверах... Другой народ заполнил Невский — бодрый и жизнерадостный,

«нужный», по выражению Гоголя, народ. Кого только здесь не встретишь! Школьники (без «губернаторов всех наций») заполняют его по утрам, отправляясь в свои классы, — девочки и мальчишки, безбоязненно вступающие в жизнь, знающие, что и эта превосходная улица и этот превосходный город принадлежат им, ибо за ними будущее.

Служащий люд всех категорий спешит на смену школьникам, торопясь на работу: прохладиться некогда, дело не ждет, а без дела не может жить наш человек. Домашние хозяйки заполняют великолепные магазины Невского, в которых манят ваш взгляд всевозможные изделия добрых рук человеческих. Пенсионеры выходят на Невский прогуляться, пройтись или спокойно посидеть в сквере у Александрики или у Казанского собора, благо светит яркое весеннее солнце и задорно у самых ног суетятся воробьи.

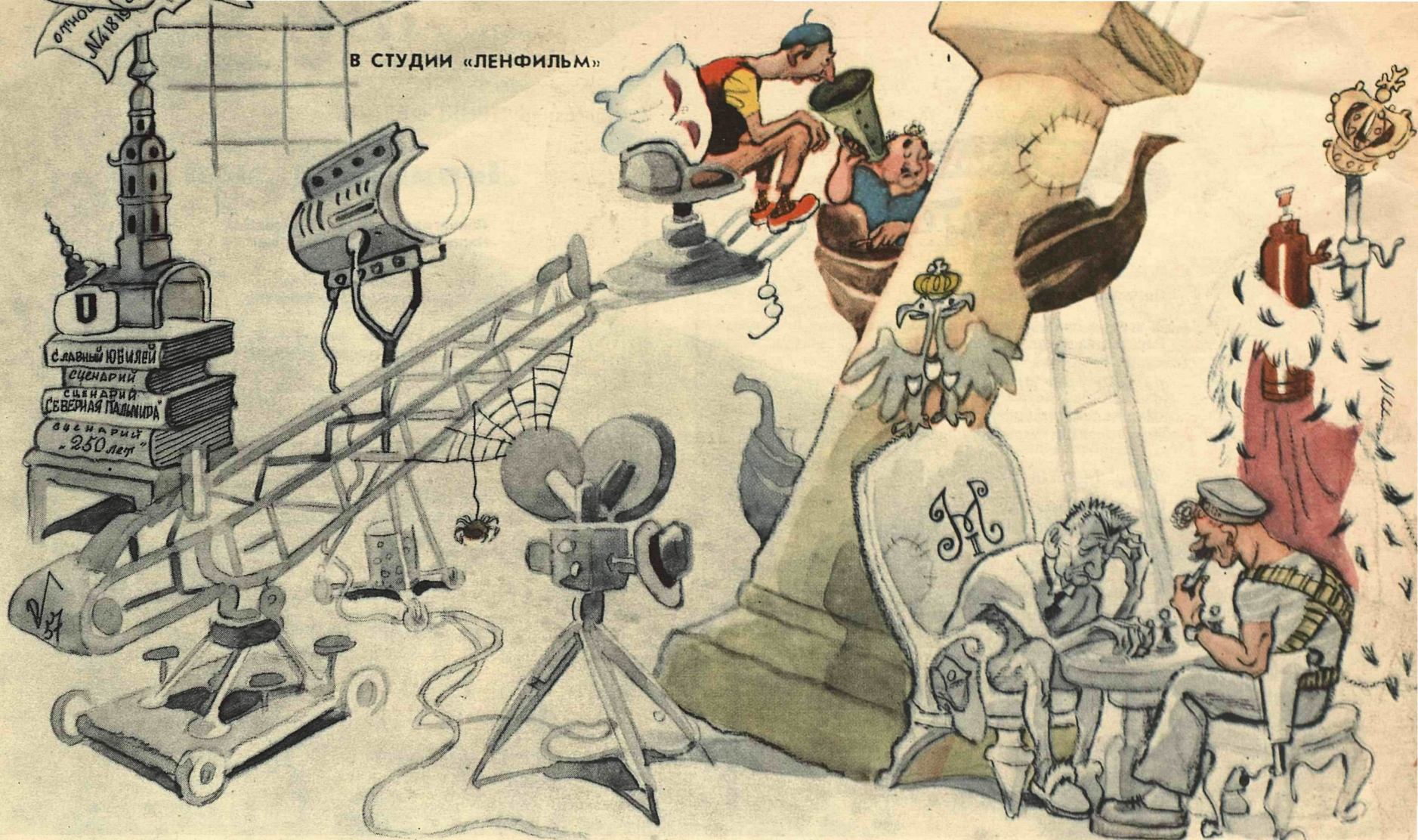
Солидные инженеры и хозяйственники с обязательными тугими

Рисунок Н. ЗВЕРЕВА.

— Не успели пожениться, как уже развели...

В СТУДИИ «ЛЕНФИЛЬМ»

— К двухсотпятидесятилетию мы ничего не сделали, может быть, к пятисотлетию что-нибудь подготовим.

Рисунок В. ГАЛЬБА.

портфелями, спешащие на заседание или совещание, появляются на Невском для того, чтобы исчезнуть, подобно некоему видению, в подъезде какого-нибудь ампирного дома с каменными львами и колоннами.

Приезжие в немалом числе попадают на Невском: их тоже узнаешь сразу по взыскующим и несколько растерянным взглядам. День, в конце концов, невелик, а поручений дано слишком много. Да надо еще изловчиться так, чтобы была возможность забежать в бутербродную, она же рюмочная, и тянуть «маленькую» перед отъездом. Командированных из Москвы тоже узнаешь сразу: и по некоторой особой важности (из Москвы!), и по самому модному портфелю с искрометной «молнией» на желтой коже, и по тому интересу, с каким человек обозревает все окружающее. Хоть и хороша Москва, что говорить, а все же не увидишь там ни клодтовских коней, ни вонзенного в облака шпилья Адмиралтейства, ни арки Главного штаба; даже неба

такого не увидишь, особенного, неповторимого ленинградского неба, нежно-голубого, чуть подернутого влажной дымкой. Как же не полюбоваться вдосталь всей этой красотой!

И нередко приходится замечать, как вот такой командированный в Ленинград москвич, в душе лирик и романтик, вдруг хлопнет себя по лбу и забежит на ближайший телеграф, чтобы отправить, к гневу своего начальства, телеграмму: «Задерживаюсь на три дня вышлите дополнительно триста».

Неприменно на Невском вы встретите иностранцев. С любыми столицами мира может потягаться своей красотой Ленинград. Обитатели берегов Темзы, или Сены, или Тибра найдут для себя здесь такие виды и краски, каких не встретишь нигде! И вот шелкают фотоаппаратами туристы, стараясь не пропустить ничего примечательного, и изумленно озираются вокруг, к удовольствию бойких мальчишек, в свою очередь, с интересом рассматривающих дам в брюках и мужчин в немалых ботинках на подошвах чудовищной толщины.

А вечером с Васильевского острова и Песков, с Карповки и Лиговки, с Петроградской стороны и Выборгской тянется народ к Невскому. Разве можно, в самом деле, отказать себе в удовольствии пройтись по Невскому, людей посмотреть и себя показать? Здесь все кипит, бурлит, шумит, движется, смеется, радуется. Всюду народ, всюду полно, только без той одуряющей московской тесноты, когда чувствуешь себя сардинкой в консервной банке.

И какой-нибудь нынешний Пискарев, пораженный в самое сердце улыбкой очаровательной блондинки, устремляется за ней, расталкивая встречных, чтобы еще раз заглянуть в лукавые глаза. И какой-нибудь нынешний Пирогов, галантно изгибаясь, спешит сообщить своей спутнице, что красивее ее нет никого на свете и что в кино «Баррикады» идет кинофильм, который посмотреть, совершенно необходимо, и притом сейчас же, немедленно, благо два билета лежат в кармане. И какой-нибудь нынешний коллежский асессор, только без этого звания, спешит скоро, потупив голову: ему не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; у него в голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; ему долго, вместо вывески показывается папка с бумагами или полное лицо начальника (да простит нам Гоголь этот несколько вольный пересказ!).

Нет ничего лучше Невского проспекта!

«Не только тот, кто имеет двадцать пять лет отроду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского Проспекта».

Рисунок К. ЕЛИСЕВА.

БАСНОПИСЕЦ-СКЕПТИК

— Говорят, Крылов, уже будучи знаменитым баснописцем, больше тридцати лет работал библиотекарем.

— Ну, это басни...

Борис ТИМОФЕЕВ

БРАТЬЯМ- Искаателям

Виталию БИАНКИ

В лесу, в саду, у речки, на полянке
Рассказ из мошки сделает Бианки!

Даниилу ГРАНИНУ

«Искаателям» маршрут он верный дал,
Но сам затем изрядно проплутал.

Павлу ДАЛЕЦКОМУ

Его роман имеет дух былинный:
Не нов по форме и отменно длинный.

Илье САДОФЬЕВУ

Лет сорок известно нам имя Садофьева:
Не слишком ли мало цветов из садов его?

Евгению ФЕДОРОВУ

Пишешь все о старом ты Урале:
Ленинград заметить не пора ли?

Ольге ФОРШ

Приветствуем тебя заздравной чашей:
Ты матриарх литературы нашей!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград мой

Ленинград мой, город светлый,
Напоен балтийским ветром;

Новой вешнею страдаю,
Быстрой невскою водою;

Напоен грозю дивной —
Молодым весенним гимном!

В этом гимне не впервые
Слышу трубы боевые;

Слышу бурю флагов красных,
Вольной воли голос властный,

Что над морем над Янтарным
Веет силой легендарной!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

В ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Крепость взята.

СПРАВОЧНЫЙ СТОЛ «КРОКОДИЛА»

Знаете ли вы, что...

...в школах Ленинграда ежедневно садится за парты свыше 400 тысяч школьников? Если в каждом классе за целый день будет поставлена хотя бы одна двойка, то представьте себе, как портится к вечеру настроение у 11 тысяч мам.

...41 ленинградский вуз ежегодно выпускает 20 тысяч молодых специалистов? Чтобы отправить эту армию на места назначения, нужно одновременно подать 25 пассажирских поездов с плацкартными жесткими местами. Ну, конечно, не считая некоторых ловкачей, которые стремятся получить мягкое, удобное место... оставшись в Ленинграде.

...ежедневно ленинградцы получают 1865 тысяч экземпляров газет и журналов? На каждых пять ленинградцев, от грудных младенцев до престарелых пенсионеров, приходится по три экземпляра. И все равно ленинградские женщины считают, что «Работницы» с приложением выкроек явно не хватает.

...ленинградские книжные магазины ежедневно продают 100 тысяч книг и брошюр? Чтобы расставить подряд эту литературу, потребуются двухкилометровая книжная полка, длиной от площади Восстания до Дома книги. Но, возможно, что на ее сооружение уйдет меньше времени, чем на поиски в мебельных магазинах двухметровой книжной полки.

...150 тысяч человек ежедневно покупают в кассах 65 кинотеатров билеты? Какое количество человек в субботние и воскресные дни отходит от касс, прочитав аншлаг «Все билеты проданы», статистика, к сожалению, не учитывает.

...20 тысяч зрителей посещают ежедневно ленинградские театры? Они смотрят пьесы московских, украинских, румынских, итальянских драматургов, а иногда даже... ленинградских.

...в 1800 ленинградских библиотеках 1300 тысяч читателей? Каждый из них за год читает свыше 20 книг. В Ленинградском отделении ССП 300 писателей. По одной книге в год выпускает не каждый из них.

...ежедневно передачи телецентра ленинградцы смотрят и слушают у 250 тысяч телевизоров? Считайте, по три человека у телевизора — 750 тысяч зрителей. Ленинградцы уверяют, что с этим телецентром не может соперничать ни один кинотеатр... повторного фильма.

Г. МИНАЕВ

— А это что за скульптура?
— Это лев... Яшин.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

В Ленинграде все поражает своими величественными масштабами. Город расположен на сто одном острове, соединен шестью сотнями мостов и т. д., и т. п. Даже колбас в специальном магазине на Невском проспекте ты найдешь семьдесят шесть разных сортов!

Но есть в Ленинграде и много уникального, единственного в своем роде. Тут ты в первую очередь, конечно, назовешь Смольный, Зимний, Эрмитаж, Неву...

А во вторую очередь уникальным следует признать магазин подписных изданий на улице Бродского. Этот единственный на весь Ленинград магазин обслуживает 400 тысяч подписчиков. Но стоит тебе немного пройти по Невскому — и ты обнаружишь второй уникал: театр кинохроники. Его помещение едва ли подошло бы даже для культурного курятника, настолько оно тесное и невместительное.

Оба эти уникальные культурные учреждения опекает отдел культуры Ленсовета. Десятки постановлений вынесено уже насчет того, чтобы улучшить обслуживание подписчиков и кинозрителей, но... но начальник управления культуры и в ус не дует.

Обозреть такого уникального, единственного в своем роде руководителя можно в управлении культуры Ленсовета. Спросить начальника тов. Колобашкина.

Ю. ТИМОФЕЕВА

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Ты, конечно, знаешь, как необходима для любого живого существа вода. У нас в Ленинграде ее особенно много. Ведь Ленинград — это город замечательных рек и каналов.

Много у нас и любителей водного спорта. Есть среди них и чемпионы Олимпийских игр.

В подготовке настоящего номера «Крокодила» участвовали коллективы редакций «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград», а также писатели, художники и журналисты: К. и М. Бекташевы, М. Берман, К. Владимиров, В. Гальба, Г. Дрейден, М. Дудин, З. Жительзейф, Н. Зверев, В. Иванов, В. Кюнпап, М. Мазрухо, Д. Мечик, Е. Мин, Н. Муратов, А. Прокофьев, Б. Тимофеев, Ю. Трунев, В. Саянов, Б. Семенов, Б. Сысоев, Б. Толчинский, А. Чуркин, Б. Цацко.

Оформление номера художника И. Семенова.

Но имеются в Ленинграде почитатели воды несколько иного рода. Когда речь заходит о водном спорте, они предпочитают иметь дело с водой не в Неве, а в разнообразных реках и постановлениях.

Много воды утекло с тех пор, как были приняты резолюции об открытии бассейнов при Институте физкультуры имени Лесгафта, стадионе имени Ленина, а также об устройстве специального канала для гребных соревнований. Но они так и не открыты. И вообще, если до войны в Ленинграде было 17 плавательных бассейнов, то сейчас их 13, а гребных — только один.

Все это никак не нравится пловцам и гребцам, истинным любителям невских просторов. Зато творцы резолюций чувствуют себя в бумажном потоке, как рыба в воде.

В. САВРИМОВИЧ,
заслуженный тренер СССР
по академической гребле.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В Ленинграде построен метрополитен. Сейчас прокладывается новая его трасса. Но никто из ленинградских писателей, да, к слову сказать, и московских, не бывает под землей у нас, метростроителей. Никто не пишет о нашем труде. Нет ни рассказов, ни повестей, не говоря уже о пьесах и киносценариях, которые знакомили бы людей с героическими буднями строителей подземной железной дороги.

Дорогой Крокодил! Не мог бы ты пристыдить мастеров пера? Пусть они спустятся со своих высот под землю. И тогда, как это ни странно, они действительно окажутся на высоте.

М. ЕРОФЕЕВ,
Н. ТВЕРДОХЛЕВОВ,
Н. ТИЩЕНКО,
бригадиры проходчиков
Ленметстроя.

Александр ЧУРКИН

Шла я вдоль реки Невы...

(Шуточная песня)

Шла я вдоль реки Невы,
Дунул ветерок,
И унес он с головы
В воду мой платок.
Мне на помощь молодой
Парень прибежал,
Окунулся с головой
И платок достал.

Припев:

Шепчет река Нева
Весенние слова,
Глаза от них туманятся,
Кружится голова.

Мы сидим под плеск и шум
У волны речной,
Парень сушит свой костюм,
Я платочек свой.
Он бесстрашный, огневой,

Видно по глазам...
Наступил момент такой:
Надо по домам.

Припев.

При прощании со мной
Он меня обнял...
Даже строгий постовой
Слова не сказал.
Расставались до зари,
Чтоб сердца открыть,
Все же, что ни говори,
Хорошо любить!

Припев:

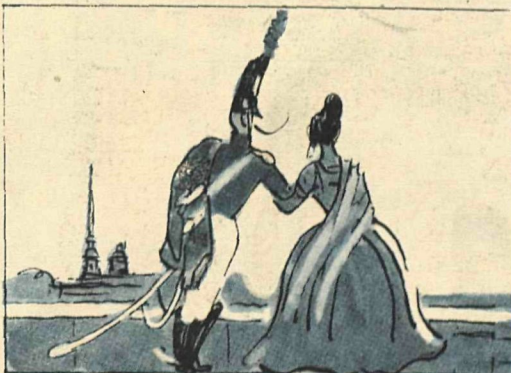
Шепчет река Нева
Весенние слова,
Глаза от них туманятся,
Кружится голова.

Кажинный раз на этом самом месте...

Рисунок Н. МУРАТОВА.

1757

1857

1957

главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05255. Изд. № 721. Подписано к печати 8/VI 1957 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1503. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Безопасность
ИЗДАНИЕ МАТА
Обязат. экземпля.
1957 г.

40
2 С ИЮН

ЛЕНИНСПРАВКА
СПРАВОЧНОЕ

БЮРО

12135 *чл*

Июнь 1957 г.

СПРАВКА

(Историческая)

Никогда нога
вражеского
солдата
не ступала по
Ленинграду

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ...

Бор. Ефимов - 57.